

«Стоило Годжо Харе и Годжо Сатору пробудить Технику Безграничности, как клан Годжо поспешил раструбить об этом на весь мир. Клан слишком долго ждал рождения обладателя Шести глаз и отчаянно нуждался в демонстрации своего величия, чтобы укрепить влияние и получить новые выгоды.

Поначалу другие силы в мире магов надеялись, что рождение близнецов с Шестью глазами окажется пустышкой из-за древнего проклятия близнецов — мол, их силы разделятся, и оба останутся калеками, не представляющими угрозы.

Однако клану Годжо улыбнулась невероятная удача: проклятие обошло братьев стороной. Они не только не родились неполноценными, но и явили миру поразительный, небывалый талант. И Хара, и Сатору унаследовали Безграничность!

Вскоре на теневом рынке и в даркнете мира магов появились заказы на устранение обоих мальчиков. Из-за подстрекательств и вложений со стороны различных фракций сумма награды за их головы росла с каждым днем».

В первой зоне просмотра Годжо Хара лениво разглядывал лица тех, кто когда-то назначил награду за их головы. На огромном экране проплывали портреты заказчиков, а Хара мысленно сверял их со своим старым списком должников.

«Что ж, отлично. Все до единого уже мертвы», — мысленно усмехнулся он.

Сатору и не подозревал, что его брат уже давно отправил на тот свет всех причастных к этой охоте. Насупившись, он запоминал лица заговорщиков, мелькавшие на экране, и возмущенно ворчал:

— Какая наглость! Мы с братом стоили всего-то жалкие гроши? Мы вообще-то чертовски дорогие! Наша цена должна быть астрономической!

Остальные зрители в зале лишь молча переглянулись.

Кто вообще в здравом уме, узнав о награде за собственную голову, станет возмущаться, что его слишком дешево оценили?

Во второй зоне взрослый Годжо-сенсей горячо закивал, полностью соглашаясь со своей юной копией:

— Вот именно! Какое свинство! С чего вдруг за мою голову давали всего сто миллионов, когда у вас тут счет шел на целых два миллиарда? Даже если поделить на двоих, вы всё равно стоили дороже! Невыносимо проигрывать в таких вещах!

«Неужели два Шести глаза настолько ценнее одного? — с досадой подумал он. — Ну ничего, как только вернусь, сотру в порошок каждого ублюдка, который посмел назначить за меня такую смехотворную цену».

Усмехнувшись жалобам взрослого себя, юный Сатору довольно расплылся в улыбке:

— Ха-ха! Ну ты и дешевка! Всего-то сто миллионов?

Получив порцию издевок от самого себя, Годжо-сенсей твердо решил: как только все закончится, он лично накинёт деньжат в фонд своей поимки и поднимет ставку до трех миллиардов. Чтобы вышло ровно на одного Мэгуми больше, чем у этих двоих!

Сам же Фусигуро Мэгуми, чью рыночную стоимость когда-то оценили в миллиард иен, мог лишь молча недоумевать: при чем тут вообще он и с каких пор его имя стало мерилom чужой цены?

«Громкие заявления клана Годжо повлекли за собой бесконечную череду покушений. Однако для Хары и Сатору, уже освоивших Безграничность и подчинивших себе силу бесконечности, убийцы не представляли угрозы. Даже если наемникам удавалось прорваться сквозь плотные кольца охраны, они разбивались о непреодолимый барьер.

К сожалению, под перекрестный огонь то и дело попадали слуги. Очередная атака унесла жизнь одной из преданных служанок близнецов.

В ответ на гневные расспросы Хары тогдашний глава клана, Годзё Хакобу, лишь сухо объяснил, что прочие маги винят в усилении проклятых духов само рождение Шести глаз. Якобы мир пытается восстановить баланс, а значит, покушения не прекратятся.

В то время Хара и Сатору поверили этим словам. Но у Хары зародилась иная мысль: если проклятия крепчают, то они с Сатору родились как спасители этого мира. А значит, весь мир обязан крутиться вокруг них двоих».

Подобное высокомерие ничуть не удивило сидевших в зале магов. Сильнейшие маги, способные в одиночку перевернуть баланс сил, имели полное право считать, что мир вертится вокруг них.

Куда больший интерес вызвала теория Хары о рождении Шести глаз как следствие усиления проклятых духов. Долгие годы в их обществе господствовало обратное мнение: появление Шести глаз провоцирует рост численности и силы проклятий.

Теперь же, услышав эту мысль, многие задумались — а не перепутаны ли здесь причина и следствие?

Зрители из первой зоны, прошедшие через великие битвы и видевшие, как братья Годжо раз за разом спасали тонущий мир от гибели, согласно кивали. Они прекрасно помнили, что даже после массового уничтожения проклятых духов сила оставшихся тварей пошла на спад, хотя близнецы по-прежнему оставались живы и сильны.

Синъити Кудо из первой зоны задумчиво потер подбородок и поделился своими выводами:

— Полагаю, господин Хара абсолютно прав. Проклятые духи рождаются из людского негатива. В год, когда родились господа Хара и Сатору, страна переживала тяжелейший крах экономического пузыря. Безработица, банкротства, лавина самоубийств — люди утопали в отчаянии и злобе, что и вызвало резкий всплеск силы проклятий. Чтобы спасти человечество от неминуемой гибели, мир породил противовес — близнецов с Шестью глазами. В нашем мире

проклятых духов высокого ранга почти не осталось. Если бы их рождение провоцировало появление монстров, то сейчас, пока братья живы и здоровы, мы бы наблюдали бесконечный приток чудовищ. Однако их сила лишь падает.

Эти логичные и последовательные выводы привлекли к детективу всеобщее внимание.

Особенно пристально на него смотрел Конан Эдогава из четвертой зоны. Видя на экране взрослую версию самого себя — здорового, уверенного в себе Синъити Кудо, стоящего рядом с улыбающейся Ран Мори, — Конан почувствовал, как в груди разливается волна облегчения и радости.

Значит, в том параллельном мире он сумел вернуть свое тело. Значит, Черная организация повержена.

Однако, слушая рассуждения своей взрослой копии о природе проклятой энергии, Конан невольно засомневался.

«В моем мире нет никаких проклятий и магов. Даже если у нас есть общая проблема с Черной организацией, поможет ли мне опыт того Синъити?»

Во второй зоне Годжо-сенсей ненадолго замер, переваривая слова Кудо, а затем весело хлопнул себя по колену:

— Ну конечно! Я всегда знал, что я избранный спаситель человечества! Боже, и как бы этот мир вообще выжил без великого учителя Годжо?

Никто в зале не заметил, какая глухая, ледяная тоска скрывалась за этой маской паяца.

Всю свою жизнь он только и слышал, что его рождение принесло в мир несчастья, сделало проклятия сильнее и повлекло за собой бесчисленные смерти других магов.

Пусть Сатору никогда не воспринимал эти упреки всерьез и не собирался каяться в грехах, которых не совершал, но после гибели младшеклассника Хайбары, предательства Гэто Сугуру и множества других трагедий он невольно привык думать: «Раз уж я сильнейший, то должен взвалить всё на свои плечи. Если я заберу себе самые опасные задания, другим будет легче выжить».

Сам того не замечая, он взвалил на себя вину за каждую смерть в мире магов.

Раньше при подобных разговорах он лишь пренебрежительно фыркал: «Слабаки мрут, потому что они слабаки».

Теперь же он с неизменной улыбкой повторял: «Я сильнейший, предоставьте всё мне!»

Сильнейший обязан держать на своих плечах весь мир. Сильнейший обязан молча сносить чужую злобу и зависть.

Даже не поворачивая головы, Хара благодаря круговому обзору Шести глаз до мельчайших деталей улавливал каждое изменение в мимике и позе взрослого Годжо-сенсея.

Это зрелище оставило неприятный осадок.

Этот человек смеялся так искренне, но почему же за его улыбкой виделась лишь смертельно уставшая, израненная душа?

Хара не признавал суррогатов. Взрослый Годжо из параллельного мира не был его Сатору. Единственным братом, которого он любил и защищал с колыбели, оставался его собственный, вредный и родной Сатору.

Но глядя на эту альтернативную версию, Хара не мог избавиться от тревожной мысли: если бы в его мире у Сатору не оказалось старшего брата, готового прикрыть со спины, не превратился бы его драгоценный младший в такое же одинокое, измученное существо?

Одна мысль о том, что кто-то посмел довести его Сатору до такого состояния, заставила гнев Хары вспыхнуть с новой силой.

Вся его ярость мгновенно перекинулась на Годзё Хакобу.

— А я-то думал, почему за нами тогда охотился каждый встречный, — холодно процедил Хара.
— Оказывается, старый ублюдок Хакобу просто скормил нас прессе! Клан Годжо сам слил информацию, чтобы пораньше начать выбивать привилегии, прикрываясь нашими именами!

Жадные, близорукие стариканы.

— Вернусь — и отправлю этого старого хрыча доживать свой век в глухую африканскую деревню, — добавил Хара.

Сатору тут же поднял руку, поддерживая брата:

— Отличная идея! Гнилым мандаринам самое место на плантациях!

Хотя Хакобу, лишившись поста главы, вел себя тише воды ниже травы, это не отменяло его прошлых грехов. До того как Хара полностью прибрал власть к рукам, старик успел изрядно попить им крови своими интригами.

Годжо-сенсей изумленно уставился на близнецов. Да ладно? В параллельном мире Шестиглазые могут вот так запросто сослать бывшего главу клана в Африку?

В своем мире Сатору тоже официально возглавлял семью, но Хакобу и старейшины всё еще сохраняли колоссальное влияние. Они не решались перечить ему открыто, опасаясь его чудовищной силы, но за спиной постоянно плели заговоры.

Но эти люди растили его, защищали в детстве и жертвовали жизнями ради клана. Они были его кровными родственниками. Какими бы невыносимыми консерваторами они ни оставались, Сатору мог разве что разнести пару стен в поместье, чтобы припугнуть их, но никогда бы не решился на столь радикальные меры.

А вот Хара расправлялся со старейшинами без тени сомнений или жалости.

«Может, я действительно слишком мягкотел?» — невольно подумал Годжо-сенсей, почесав

затылок.

«Служанка, ухаживавшая за Харой и Сатору, была убита проклятым магом и превращена в марионетку. Лишь после того как Хара прикончил наемника, тело несчастной девушки обрело покой.

Когда люди клана прибыли забрать труп, Хара спросил, что будет с телом дальше.

— Мы вернем ее родителям, — коротко ответил могильщик.

Этот ответ озадачил братьев.

«Родители? Кто это такие?»

Оказалось, у каждого человека есть мать и отец. Оказалось, люди не рождаются сами по себе — их производят на свет родители.

Но если так, то где их собственные родители? Кто они?»

Зрители в зале были шокированы.

— Господи, да это же дикость! — раздался чей-то возмущенный голос. — Клан Годжо на каждом углу кричит о преклонении перед священными Шестью глазами, а сами воспитывали детей так, что те даже не знали слова "родители"! Чего они добивались?

— А то непонятно? Им нужно было идеальное оружие, преданное только клану. Никаких привязанностей, никакой личной жизни — только слепое служение семье.

— Да уж, я всегда завидовал тем, кого с рождения носят на руках, но теперь вижу, что жизнь Шестиглазых — это настоящий ад.

С самого рождения терпеть невыносимую нагрузку от Шести глаз, расти в изоляции под вечным надзором, зная, что вся любовь и забота окружающих — лишь плата за твою полезность.

Им не просто не говорили, кто их отец и мать, от них скрывали само существование института семьи. И всё это проворачивали с маленькими четырехлетними детьми.

Старшие маги отнеслись к этому спокойнее — великие кланы всегда славились своими извращенными методами воспитания наследников. Но обычные люди, выросшие в здоровом обществе, пришли в ужас.

— Разве можно так ломать детей?

— Осыпать золотом и при этом морить голодом духовно, скрывая правду о рождении — это же варварство!

— Они растили не детей, а живые инструменты!

Пока зал гудел от возмущения, Хара и Сатору хранили молчание, равнодушно глядя на экран.

Во второй зоне Годжо-сенсей тоже откинулся на спинку кресла, игнорируя сочувственные и удивленные взгляды коллег.

Ему не жалость их была нужна. Он давно перерос те детские обиды и не нуждался в утешениях.

Но сидевший рядом Гэто Сугуру то и дело бросал на друга обеспокоенные взгляды. Пусть они разошлись во мнениях, пусть Сатору сам оборвал его жизнь, Сугуру до последнего вздоха считал его своим единственным лучшим другом.

Сам Гэто смог поднять руку на собственных родителей ради своей высшей цели, чтобы оборвать последнюю связь с миром не-магов. Но он знал, что такое родительское тепло, и любил их.

А Сатору вырос в золотой клетке, где ему запрещали даже думать о матери.

На экране у маленького Сатору хотя бы был брат-близнец, поделивший эту участь.

Но как со всем этим справлялся его Сатору, росший в абсолютном одиночестве?

Гэто хотел бы спросить, утешить, но нужные слова не шли на ум. Слишком многое их разделяло: годы разлуки, кровь, смерть и идеология. Да и сам Годжо-сенсей всем своим видом показывал, что не потерпит жалости.

Он ведь сильнейший. Ему не нужны сочувствующие взгляды.

Гэто тихо вздохнул и отвел глаза.

«Братья понимали: если они спросят слуг напрямую, об этом тут же доложат главе клана и старейшинам. И тогда им подсунут красивую ложь вместо правды.

Поэтому четырехлетние близнецы начали собственное тайное расследование.

Вся прислуга трепетала перед юными господами, и никто не ждал подвоха от двух малышей. Осторожными расспросами и хитростью Хара и Сатору быстро выяснили, какие семейные пары в клане заводили детей четыре года назад. Имя матери и отца вскоре было найдено.

Но перед тем как отправиться на поиски, маленький Сатору тихо спросил старшего брата:

— Братик, когда мы найдем их... я всё еще буду для тебя самым любимым и важным на свете?

Хара ответил без малейшего колебания:

— Конечно, глупышка. Всегда».

На экране всплыли его тогдашние мысли, скрытые от Сатору: он искал родителей вовсе не из нежных чувств. Им двигали лишь любопытство, упрямое желание сделать то, что запрещал клан, и забота о младшем брате. Раз у других детей были родители, Сатору тоже заслуживал их иметь.

Зрители выдохнули в едином порыве:

— Да этот парень просто одержим своим братом!

В мотивах Хара не было ни капли тоски по семейному очагу. Этот холодный, расчетливый ребенок жил лишь ради своего близнеца, а на чувства родителей ему было плевать. Скажи Сатору хоть слово против — и Хара мгновенно забыл бы об их существовании.

Услышав свои старые мысли, Хара смутился, но Сатору уже сгреб его в охапку и, шмыгая носом, запричитал:

— О-о-о, братик! Ты у меня самый лучший! Я тоже тебя обожаю! Ты самый замечательный брат во вселенной!

Хара замер, его лицо залил густой румянец, но руки сами обняли младшего в ответ. Вокруг него словно заплясали невидимые лепестки абсолютного счастья.

«Конечно, Сатору. Я всегда буду любить тебя больше всех на свете», — мысленно пообещал Хара.

Во второй зоне Годжо-сенсей демонстративно натянул повязку на глаза и проворчал:

— Какая приторная сопливая жуть!

«Подумаешь, братская любовь. Тоже мне, великое достижение!» — завистливо подумал он.

«К моменту, когда тайна была раскрыта, их мать уже давно скончалась от тяжелой болезни, а отец спешно покинул страну, забрав щедрые отступные от клана. Поняв, что искать им больше некого, да и незачем, братья навсегда закрыли эту тему.

Спустя два года, когда им исполнилось по шесть лет, близнецы решились на свой первый побег из поместья.

За два года тренировок Хара и Сатору превратили развитие Безграничности в настоящее соревнование. Они делились друг с другом идеями, картами проклятой энергии и малейшими успехами, постоянно подгоняя и мотивируя соперника. В столь нежном возрасте они уже безупречно владели "Синим" и всю экспериментировали с его возможностями.

Шестилетний Хара преуспел настолько, что освоил мгновенное перемещение на короткие дистанции. Именно с помощью этой техники он перенес себя и брата за пределы барьера главного поместья Годжо, скрывшись от преследователей».

Годжо-сенсей под повязкой округлил глаза от изумления.

Серьезно? Вот она, сила здоровой конкуренции? В шесть лет они уже всю прыгали на огромные расстояния при помощи "Синего"?!

Маленький Сатору в его мире тоже рос гением, но его обучение шло строго по консервативной программе старейшин. У него не было равного соперника, не было старшего брата, который бы

постоянно провоцировал его прыгать выше головы. Все остальные дети магов казались ему глупыми муравьями, а значит, и спешить было некуда. Сатору лениво осваивал азы, зная, что всё равно станет сильнейшим. Единственной его заботой оставалась дикая головная боль от перегрузки мозга.

Теперь же, глядя на экран, он с досадой осознал: его собственный потенциал в детстве не раскрыли даже наполовину. Ему просто жизненно необходим был такой же невыносимый, гениальный брат-близнец.

На экране тем временем показали мысли юного Сатору, который отчаянно пытался превзойти Хару только ради того, чтобы занять место старшего брата и защищать его.

Но Хара, ведомый своим безумным инстинктом опекуна, вкалывал вдвое усерднее, лишь бы не дать мелкому обойти себя. Противостоять такой целеустремленности было бесполезно.

Хара с прищуром посмотрел на притихшего Сатору, который усердно делал вид, что увлеченно разглядывает потолок.

— Так, значит, мой милый Сатору с четырех лет мечтал отобрать у меня статус старшего брата? — вкрадчиво спросил Хара.

Сатору виновато пискнул и заюлил:

— Ну... мне просто хотелось узнать, каково это — оберегать тебя и гладить по головке!

— Я готов уступить тебе в чем угодно, Сатору, — мягко, но непреклонно произнес Хара. — Но только не в этом. Место старшего брата останется моим. Навсегда.

Сатору покрепче прижался к нему и протянул капризным, умоляющим голоском:

— Ну бра-а-атик, не сердись!

Годжо-сенсей из соседней зоны тут же подлил масла в огонь:

— Какая поразительная трусость! И это великий Сатору Годжо? Сдался без боя! Давай, покажи ему, на что способен, побей его и стань наконец старшим!

Сатору резко выпрямился и смерил взрослого себя яростным взглядом:

— Слышь, ты кого это "братиком" назвал? Это мой брат! К тебе, чучело с прической-веником в дурацкой маске, он не имеет никакого отношения!

«Чучело с прической-веником?» — Годжо-сенсей заметно опешил от такого бесцеремонного наезда на свою великолепную шевелюру.

Впрочем, он быстро справился с удивлением и весело расхохотался, решив подразнить мальчишку еще сильнее:

— Ну вообще-то мы оба — Сатору Годжо. А значит, его брат — и мой брат тоже! Не жадничай, делись семейным теплом, нам обоим его не хватало!

<http://bllate.org/book/19549/2004409>